

1001 ночь.

Рассказ об Ибрахиме ибн аль-Махди

К числу хороших рассказов относится и такой: Ибрахим ибн аль-Махди [301], брат Харуна ар-Рашида, когда власть в халифате перешла к аль-Мамуну, сыну Харуна ар-Рашида, не присягнул ему, но отправился в ар-Рей [302] и объявил халифом самого себя. И он провел так один год и одиннадцать месяцев и двенадцать дней, и сын его брата, аль-Мамун, ожидал, что он вернется к повиновению и присоединится к другим на пути общины, пока не отчаялся в его возвращении. И тогда аль-Мамун выехал с конными и пешими и вступил в ар-Рей, ища Ибрахима. И когда дошла до Ибрахима весть об этом, ему оставалось только прийти в Багдад и спрятаться, боясь за свою кровь. И аль-Мамун назначил тому, кто укажет, где Ибрахим, сто тысяч динаров.

"И когда я услышал об этой награде, – говорил Ибрахим, – я испугался за себя..."

И Шахразату застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят четвертая ночь

Когда же настала двести семьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим говорил: "И когда я услышал об этой награде, я испугался за себя и впал в замешательство. И я вышел из своего дома в полуденное время, изменив обличье, и не знал, куда мне направиться, и вошел на улицу, не имевшую выхода, и воскликнул: "Поистине, мы принадлежим Аллаху и к нему возвращаемся! Я подверг тебя гибели! Если я вернусь по своим следам, меня заподозрят, так как у меня вид переодетого". И я увидел в конце улицы черного раба, который стоял у ворот своего дома, и подошел к нему и спросил: "Есть у тебя место, где бы я мог укрыться на час?" – "Да", – ответил он и открыл ворота. И я вошел в чистый дом, где были циновки и подушки из кожи, а раб, приведя меня туда, запер за мною дверь и ушел. И я заподозрил, что он услышал о награде за меня и подумал: "Он пошел, чтобы на меня указать!" И я стал кипеть, как вода в котле на огне, и раздумывал о своем деле, как вдруг вошел негр, а с ним носильщик, у которого было все, что нужно: хлеб, мясо, и новые котлы, и принадлежности к ним, и новая кружка, и новые кувшины. И раб снял ношу с носильщика и затем, обратившись ко мне, сказал: "Да будет моя душа за тебя выкупом! Я отворяю кровь, и я знаю, что ты не побрезгуешь мною из-за того, что я делаю для пропитания. Вот тебе эти вещи, на которые не упала ничья рука. Поступай как тебе вздумается".

А я нуждался в пище, – говорил Ибрахим, – и сварил себе еду и не помню, чтобы я ел что-нибудь подобное этому. А когда я удовлетворил свое желание, негр сказал мне: "О господин, да сделает меня Аллах за тебя выкупом! Не хочешь ли вина, оно приятно душе и прогоняет заботу". – "Это мне не противно!" – ответил я, желая подружиться с кровопускателем. И негр принес новые стеклянные сосуды, которых не касалась рука, и надушенный кувшин, и сказал: "Процеди себе сам, как ты любишь!"

И я процедил вино наилучшим образом, и негр принес мне новый кубок, и плоды, и цветы в новых глиняных сосудах, а затем он сказал: "Позволишь ли мне сесть в сторонке и выпить одному вина, радуясь тебе и за тебя". "Сделай так", – сказал я и выпил, и негр тоже выпил, и я почувствовал, что вино зашевелилось в нас. И кровопускатель сходил в чуланчик и вынес лютню, украшенную металлическими полосками, и сказал мне: "О господин, мой сан не таков, чтобы я просил тебя петь, но на твоём великом благородстве лежит долг передо мною, и если ты сочтешь возможным почтить твоего раба, то тебе присущи высокие решения".

И я спросил его, не думая, что он меня знает: "А откуда ты взял, что я хорошо пою?" И негр ответил: "Да будет слава Аллаху? Этим наш владыка слишком известен! Ты мой господин Ибрахим ибн аль-Махди, наш вчерашний халиф, за которого аль-Мамун назначил сто тысяч динаров, но от меня ты в безопасности".

И когда негр сказал это, – говорил Ибрахим, – он сделался велик в моих глазах, и я утвердился в предположении о его благородстве и согласился удовлетворить его желание.

И, взяв лютню, я настроил ее и стал петь, и мне пришла на ум мысль о разлуке с моим сыном и семьей, и я заговорил:

"И надеюсь я, что кто Юсуфу его близких дал

И в тюрьме его, где он пленным был, возвысил, Ответит нам, и снова вместе нас всех сведет Аллах, господь миров, могуч и властен".

И негром овладел чрезвычайный восторг, и жизнь показалась ему очень приятной (а говорят, что когда соседи Ибрахима слышали, как он говорит: "Эй, мальчик, седлай мула!" – их охватывал восторг). И когда душе негра стало приятно и его охватило веселье, он воскликнул: "О господин, разрешишь ли ты мне высказать то, что пришло мне на ум, хотя я и не из людей этого ремесла?" И я отвечал ему: "Сделай так, это следствие твоего великого вежества и благородства".

И он взял лютню и запел:

"Любимым я сетовал на то, как продлилась ночь;

Сказали они: "О как для нас коротка та ночь!"

И все потому, что сон глаза покрывает им

Так скоро, а нам очей всю ночь не закроет сон,

Когда наступает ночь–мученье для любящих,

Нам грустно; им радостно, когда наступает ночь.

И если бы им пришлось терпеть, что стерпели мы,

На ложе, поистине, им было бы так, как нам".

И я воскликнул: "Ты отличился совершенным отличием, мой сердечный друг, и прогнал от меня боль печали. Прибавь же еще таких безделок!"

И негр произнес такие стихи:

"Когда не грязнит упрек честь мужа, увидишь ты,

Что всякий прекрасен плащ, какой он наденет,

Она нас корит за то, что мало число таких,

Но я отвечаю ей: "Достойных немного!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Не плохо, что мало нас, – сосед наш высок душой,

Тогда как у большинства соседи столь низки.

Мы люди, которым бой постыдным не кажется,

Когда биться вздумают Салуль или Амир [303].

Желание умереть к нам срок приближает наш,

Они же не любят смерть, и сроки их долги.

Мы можем словам людей не верить, коль захотим,

Но верят словам они, когда говорим мы".

И, услышав от негра эти стихи, – говорил Ибрахим, – я удивился им до крайней степени, и великий восторг заставил меня склониться, и я заснул и проснулся только после вечерней молитвы. И я умыл лицо, и вернулся ко мне мысли о величии души этого кровопускателя и его хорошем умении себя вести, и я разбудил его и, взяв бывший со мною мешок, в котором были ценные динары, бросил его негру и сказал: "Поручаю тебя Аллаху – я ухожу от тебя! Прошу тебя, бери из этого мешка и трать на то, что тебя заботит, и тебе будет от меня великий дар, когда я окажусь в безопасности от страха".

Но негр отдал мне мешок обратно, – говорил Ибрахим, – и сказал: "О господин, бедняки из нашей среды не имеют у вас цены, но, следуя моему благородству, как могу я взять деньги за то, что время подарило мне твою близость и ты поселился у меня? И если ты будешь возражать этим словам и еще раз кинешь мне кошелек, я убью себя".

И я спрятал мешок в рукав, – говорил Ибрахим (и тяжело было мне нести его)..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят пятая ночь

Когда же настала двести семьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ибрахим ибн аль-Махди говорил: "И я спрятал мешок в рукав (и тяжело было мне нести его) и ушел. А когда я дошел до ворот дома, негр сказал мне: "О господин, здесь тебе укрываться лучше, чем где-либо еще, и нет для меня тяготы содержать тебя; оставайся у меня, пока не поможет тебе Аллах!"

И я вернулся и сказал: "С условием, что ты будешь тратить из этого кошелька". И негр дал мне понять, что он согласен на это условие, и я провел у него несколько дней, ведя самую сладостную жизнь, и он ничего не брал из этого мешка. И я счел зазорным оставаться у него на содержании и постыдился утруждать его и оставил его и ушел, перерядившись в наряд женщины – башмаки и покрывало, – и вышел из его дома. Но когда я оказался на дороге, меня охватил страх, и очень сильный, и я пошел, чтобы перейти мост, и оказался у одного места, обрызганного водой.

И вдруг увидел меня военный, из тех, что прислуживал мне, и узнал меня и крикнул: "Вот то, что нужно аль-Мамуну!" И уцепился за меня, и ради сладости жизни я толкнул его, и опрокинул вместе с конем на этом скользком месте, и стал он назиданием для поучающихся, и люди поспешили к нему. А я постарался идти скорее и, перейдя мост, вошел в какую-то улицу. И я увидел у одного дома открытые ворота и в них женщину. И я сказал ей: "О госпожа, пожалей меня и спася мою кровь от проклятия, – я человек боящийся". А она отвечала: "Простор тебе и уют, входи!", и привела меня в горницу, и постлала мне и подала мне кушанье. "Пусть твой страх успокоится, ни едва тварь не узнает о тебе", – сказала она. И пока это было так, в ворота вдруг постучали сильным стуком. И женщина вышла и открыла ворота, и вдруг входит мой соперник, которого я толкнул на мосту, и голова у него завязана, и кровь бежит по его платью, а коня с ним нет. "Эй ты, что тебя постигло?" – спросила женщина. И военный сказал: "Я схватил того юношу, но он ускользнул от меня".

И он рассказал ей, как было дело, и женщина вынула лоскут и, разорвав его на куски, перевязала военному голову, а потом она постлала ему, и он лег, больной. А она поднялась ко мне и сказала: "Я думаю, ты тот, о ком говорил этот военный". – "Да", – ответил я ей. И она молвила: "С тобой не будет беды", и вновь оказала мне уважение.

И я пробыл у нее три дня, а потом она сказала мне: "Я боюсь для тебя зла от этого человека: как бы он про тебе не узнал и не донес бы о том, чего ты боишься. Спасай твою душу". И я попросил у нее отсрочки до ночи, и она молвила: "В этом нет беды!"

А когда пришла ночь, я надел женскую одежду и ушел от нее. И я пришел к дому одной вольноотпущенницы, принадлежавшей нам. Увидав меня, она стала плакать и причитать и восхвалять Аллаха великого за мое спасение. И она вышла, как будто желая пойти на рынок, чтобы позаботиться об угощении, и я подумал доброе, но не успел я опомниться, как увидел, что идет Ибрахим Мосульский [304] со своими слугами и военными и впереди них женщина.

Я вгляделся в нее, и вдруг оказалось, что это моя отпущенница, владелица дома, в котором я находился, и она шла впереди них и передала меня им. И я увидел смерть воочию, и меня доставили в том наряде, в котором я был, к аль-Мамуну, и он собрал собрание для всех и велел ввести меня к нему. И войдя, я приветствовал его как халифа, но он воскликнул: "Да не даст тебе Аллах мира и да не продлит твою жизнь!" – "Не торопись, о повелитель правоверных, – ответил я. – Владыке мести дана власть возмездия и прощения, но только прощение ближе к благочестию, и Аллах поставил твое прощение выше всякого прощения, как он поставил мой грех выше всякого греха. И если ты взыщешь, то по праву, а если простишь, то по милости".

И потом я произнес такие стихи:

"Мой грех пред тобой огромен,

Но ты его еще больше.

Возьмешь или нет, что должно?

Прости его, будь же кроток.

И если в своем я деле

Достойным не был, то будь им".

И аль-Мамун поднял ко мне голову, – говорил Ибрахим, – и я поспешил сказать ему такие стихи:

"Свершил я грех превеликий,

Тебе же простить пристойно.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Простишь – это будет милость,

Накажешь – так справедливость".

И аль-Мамун опустил голову и произнес:

"И если мой друг захочет меня прогневать,

И в ярости я своей подавлюсь слюною,

Его я прощу, и грех отпущу ему я,

Боясь, что потом без друга мне жить придется".

И, услышав от него эти слова, – говорил Ибрахим, – я почуял благоухание милости по его чертам, и аль-Мамун обратился к своему сыну аль-Аббасу и брату своему АбуИсхаку и ко всем своим приближенным и спросил их: "Что вы думаете об этом деле?" И все посоветовали ему убить меня и были только несогласны насчет способа моего убийства.

И аль-Мамун спросил Ахмеда ибн Халюда: [305] "Что ты скажешь, Ахмед?" И тот сказал: "О повелитель правоверных, если ты его убьешь, мы найдем подобных тебе, что убили подобных ему, а если простишь, мы не найдем подобных тебе, что простили такого, как он..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Двести семьдесят шестая ночь

Когда же настала двести семьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что повелитель правоверных аль-Мамун, услышав слова Ахмеда ибн Халида, опустил голову и произнес слова поэта:

"Мой народ убил моего Умейма брата,

И меня стрела, коль метну ее, ударит".

И еще он произнес такие слова поэта:

"Прости же друга, когда смешал

Ответ удачный с ошибкой он,

Храни ты милость свою к нему,

Благодарен он иль презрел ее.

Воздержись же от порицания,

Коль с пути сойдет иль собьется он.

Ты видишь – на одном ковре

С приятным скверное лежит,

И сладость века долгого

Слита с отравой седин,

И шип мы видим на ветвях

Среди собираемых плодов,

Кто совершенно не грешил,

И у кого одно добро?

Сынов ты времени узнай

Увидишь – пало большинство".

"Услышав от него эти стихи, – говорил Ибрахим ибн аль-Махди, – я снял с головы покрывало и воскликнул: "Аллах велик!" И прославил Аллаха великим прославлением. "Клянусь Аллахом, простил меня повелитель правоверных!" – сказал я. И халиф произнес: "С тобою не будет беды, о дядюшка". А я молвил: "Мой грех, о повелитель правоверных, слишком велик, чтобы после него я мог выговорить извинение, а твое прощение слишком велико для того, чтобы после него я мог произнести благодарность!"

И я затянул напев и произнес такие стихи:

"Поистине, ведь творец достоинств собрал их всех

В седьмом имаме из ребра Адамова [306],

И сердца людей пред тобою страха исполнены,

Обо всех из них печешься ты, душой смирен,

Я ослушался (а веревками заблуждения

Я притянут был), только жадностью влекомый.

Ты простил того, кому равного извинить нельзя,

Хоть заступники за него просить и не шли к тебе,

И ты сжалился над детками-цыплятами

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И горестью их матери, в чьем сердце грусть"

И сказал аль-Мамун: "Я скажу, подражая господину нашему Юсуфу – да будет с пророком нашим и с ним молитвы и привет! – Нет укора на вас в сей день, да простит вам Аллах, – он премилостивый из милостивцев! Я прощаю тебя и возвращаю твое имущество и поместья, о дядюшка, и нет беды".

И я вознес за него праведные молитвы и проговорил такие стихи:

"Имущество мне вернув, его ты не пожалел,

А прежде, чем возвратить его, ты мне кровь сберег.

И если бы отдал я в угоду тебе и кровь,

И деньги, хотя бы снять мне обувь пришлось с ноги,

То было бы долгом лишь, к тебе возвратившись,

Когда бы ты не дал в долг, тебя не корили бы.

И если б я не признал теперь твоих милостей,

Я был бы достойнее упреков, чем ты щедрот".

И аль-Мамун оказал Ибрахиму уважение и милость и сказал: "О дядюшка, Абу-Исхак и аль-Аббас советовали мне убить тебя". И я молвил: "Они тебе добрые советчики, о повелитель правоверных, но ты совершил то, чего был достоин, и прогнал то, чего я боялся, тем, на что я надеялся". – "О дядюшка, – молвил аль-Мамун, – ты умертвил мою злобу жизнью твоего извинения, и я тебя прощаю и не заставлю тебя проглотить горечь попрека".

И аль-Мамун пал ниц и поднял голову и спросил: "О дядюшка, ты знаешь, почему я пал ниц?" – "Может быть, ты пал ниц, благодаря Аллаха за то, что он отдал тебя во власть твоего врага?" – ответил я. И аль-Мамун молвил: "Я хотел не этого – я благодарил Аллаха, который внушил мне простить тебя и быть к тебе милостивым. Расскажи же мне твою историю".

И я изъяснил ему мое дело и рассказал, что случилось у меня с кровопугкателем, и военным, и его женой, и отпущенницей, указавшей на меня. И аль-Мамун велел привести отпущенницу (а она была дома, ожидая, что ей пришлют награду).

И когда она предстала перед халифом, тот спросил: "Что побудило тебя сделать такое с твоим господином?" – "Жадность", – отвечала она. И халиф спросил: "Есть у тебя ребенок или муж?" И она отвечала: "Нет!" И халиф велел сто раз ударить ее бичом и навеки заточить. А потом он велел привести военного с женой и кровопускателя. И они явились, а аль-Мамун спросил военного, почему он так поступил. "Жадность до денег", – отвечал он, и аль-Мамун молвил: "Тебе следует быть кровопускателем". И приказал поместить его в лавку кровопускателя, где он научился бы делать кровопускания. А жене военного он оказал уважение и велел отвести ее во дворец и сказал: "Это женщина умная, она пригодится для важных дел".

И потом он сказал кровопускателю: "Ты проявил такое благородство, что тебе следует оказать еще большее уважение". И велел отдать ему дом военного и то, что в нем было, и наградил его почетной одеждой и приказал выдавать ему, сверх того, пятнадцать тысяч динаров ежегодно".